

УДК 378.4

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-329-337

**ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ
АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ВУЗОМ****THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF SOCIAL RISKS OF ADMINISTRATIVE
MANAGEMENT OF A REGIONAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION****А.В. Логвинова****A.V. Logvinova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: logvinova_a@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные подходы к исследованию феномена «риск» в науке. Рассмотрены классификации рисков, предлагаемые отечественными учеными. Сделан вывод о том, что применительно к рискам, возникающим в процессе административного управления учреждениями высшего образования, классификации требуют корректировки. На основании результатов авторского социологического исследования «Социальные риски управления региональным вузом», проведенного в белгородских вузах, предложено дополнить классификации выделением рисков по трем основаниям: особенности статусов акторов образовательного процесса; диспозиция риска в структуре деятельности (риск-процесс и риск-результат); следствия риска (позитивные и негативные). Полученные эмпирические данные дают основание для уточнения распространенных в научной литературе классификаций рисков. Эти уточнения позволят скорректировать практику регулирования рисков, прежде всего, в вузах и организациях, действующих в других сферах.

Abstract

The article discusses the main approaches to the study of the phenomenon of "risk" in science. Considered risk classifications proposed by domestic scientists. It was concluded that for risks arising in the process of administrative management of institutions of higher education, classifications require adjustment. Based on the results of the author's sociological research "Social risks of managing a regional higher education institution" conducted in Belgorod universities, it has been proposed to supplement classifications by highlighting risks for three reasons: the characteristics of the actors in the educational process; disposition of risk in the structure of activity (risk-process and risk-result); consequences of risk (positive and negative). The obtained empirical data provide a basis for clarifying the risk classifications use in the scientific literature. These clarifications will allow to adjust the practice of risk management, primarily in universities and organizations operating in other areas.

Ключевые слова: бюрократизация, риск, социальный риск, административная система управления, высшее учебное заведение, университет, классификация, высшее образование.

Keywords: bureaucratization, risk, social risk, administrative management, higher education institution, university, classification, higher education.

Последние два десятилетия в России идет поиск оптимальных моделей управления учреждениями высшего образования, которые позволили бы максимально использовать их потенциал для воспроизводства социума. Однако, как отмечают многие исследователи

(В.П. Бабинцев, О.Н. Запорожец, Л.Ф. Красинская и другие), в настоящее время происходит смещение вектора преобразований в системе управления вузами в сторону чрезмерной бюрократизации всех внутренних процессов, а «чиновничья субкультура» вызывает негативную реакцию со стороны научно-педагогических работников [Бабинцев, 2014]. Интенсивная бюрократизация вносит коррективы в университетское сообщество, подвергает сомнению его институциональную автономность: академические принципы управления сменяются принципами нового менеджериализма [Запорожец, 2011].

Происходящие изменения в системе управления современным вузом способствуют возникновению и развитию социальных рисков, которые оказывают влияние на результаты деятельности университета и которые, в отличие от экономических, не поддаются точному измерению и расчету. Исследованием этого многогранного явления занимались многие зарубежные и отечественные социологи, политологи, философы, экономисты (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и другие). Многочисленные толкования исследуемого социального феномена связаны с его проявлением во всех областях жизнедеятельности человека. Н. Луман описывал сложившуюся ситуацию таким образом: «Если пытаешься определить понятие риска, то впечатление такое, будто заехал в густой туман, где видимость не дальше бампера машины» [Luhmann, 1991, p. 139]. По его мнению, существующие дефиниции в определении риска не отражают и малой части этого многогранного понятия, раскрывая только его некоторые стороны. Однако Н. Луман подчеркивает, что любая человеческая деятельность сопровождается риском, она, в той или иной степени, пронизана им. В связи с этим, риск подобен опасности, но «различение предполагается (и отличается тем самым от других различений) в связи с существующей неуверенностью относительно будущего ущерба» [Luhmann, 1991, p. 150]. Ведь опасность можно предотвратить, но в этом случае можно лишиться некоторых выгод, которые при определенных условиях могли бы быть достигнуты в результате принятия рискованного решения, то есть риск предполагает «шанс».

Современное научное представление об исследуемом феномене сформировалось благодаря немецкому социологу У. Беку. В своей книге «Общество риска» он рассматривает риск не как исключительный случай, не «последствие» и не «побочный продукт» деятельности, а связывает это понятие с «обществом риска», которое является производителем рискогенных ситуаций, самих рисков, как нечто легитимного и общепринятого [Beck, 1986]. У. Бек видит причинно-следственную связь риска с прогрессом, называя его «сопутствующим продуктом, который производится в таком изобилии, что его желательно предотвратить», чтобы исключить будущие угрозы.

Солидаризуясь с У. Беком, Э. Гидденс отождествляет риск с модернизацией, активизируемой глобализационными процессами в обществе. По его мнению, риск – это будущий результат деятельности отдельной личности либо социальной группы, либо общества в целом, которые стремятся к благополучию, и, избегая опасности, навлекают на себя другие, с более значительными последствиями тотального характера [Giddens, 1991].

М. Дуглас трактует риск как отрицательный результат, который связан с «опасностью от будущего вреда», «крупными потерями», «неприятностями». Это понятие исследователем используется для обозначения «плохих» последствий [Douglas, 1990], тем не менее, которые направлены на будущее событие.

Резюмируя фундаментальные исследования ученых, важно отметить следующее: риск подобен опасности, которой подвергается личность или общество в целом в процессе принятия какого-либо решения в ситуации неопределенности. Более того, ученые приходят к пониманию, что источниками риска могут быть не только факторы внешней среды, но и само общество, продуцирующее риски.

Свой вклад в анализ проблематики риска внесли и российские авторы: А.П. Альгин, В.И. Зубков, В.И. Шарин, О.Н. Яницкий и другие.

В отношении исследуемого феномена учеными выделяются существенные признаки риска: во-первых, это вероятность отрицательных последствий в результате некоторого решения в условиях неопределенности [Мозговая, 2011]; во-вторых, это альтернатив-

ность выбора, связанная с осознанием возможности неудач, и активность человека, направленная на достижение положительного исхода события [Балабанов, 2009]; в-третьих, это готовность человека рискнуть [Солнцева, 2001].

Как считает О.Н. Яницкий, в современных условиях количество рисков возрастает с прогрессией, проникая во все общественные сферы, во все территории, превращая их в среды жизнеразрушения. По его мнению, риск выступает «нивелирующей нормой повседневного существования в рискогенной среде», «анатомией общества» [Яницкий, 1999], неизбежно продуцирующей новые риски. Схожую позицию занимает В.В. Гришаев, акцентирующий свое внимание на «эффекте бумеранга» – феномене инверсии, когда риск является одновременно и началом производства рискогенных действий [Гришаев, 2001].

В.И. Шарин характеризует риск как угрозу, которая имеет массовый и общественный характер и которая дестабилизирует, ухудшает состояние макросреды, делая ее уязвимой для воздействия других угроз [Шарин, 2013]. Как подчеркивает исследователь, в современных условиях происходит нарастание противоречий между теми, кто потребляет риск, и теми, кто его производит, а, зачастую, имеет выгоду.

Анализируя причины возникновения рисков, В.И. Зубков отмечает, что процесс принятия решения в условиях гипертрофированной внешней среды влечет за собой определенные проблемы, которые в дальнейшем являются «двигателями прогресса, при определенных состояниях окружающей реальности – лейтмотивом возникновения риска» [Зубков, 2009, с. 61].

Другой отечественный социолог, А.П. Альгин, характеризует социальный риск как «деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, когда существует вероятность количественно или качественно оценить объективную возможность достижения предполагаемого результата, или же неудачи, отклонения от намерений» [Альгин, 2000, с. 19–20]. Неопределённостью он называет особенность риска, возникающую в свете «противоборствующих тенденций» внешней среды, конфликтов интересов, то, что вносит в общественную жизнь сам риск, который возникает спонтанно в условиях противоречивых действий участников отношений.

Таким образом, анализ вышеизложенных концепций и мнений исследователей в области изучения рисков показал, что существует довольно широкое предметное поле и терминологическая неопределенность в определении этого многоаспектного феномена. Однако общепризнанного его понимания в науке и практике так и не сложилось. Для выявления причин возникновения риска мало иметь представление об этом феномене, важно правильно выбрать методы и инструментарий для снижения степени его воздействия. В этой связи необходимо правильно классифицировать риски.

Российский социолог В.И. Зубков – первый исследователь, который предпринял попытку систематизировать риски по нескольким группам оснований (рис.1). Помимо этого, В.И. Зубков систематизировал риски по возможным последствиям. Так, он объединил в отдельные группы материальные и моральные, значительные и незначительные, предсказуемые и непредсказуемые, калькулируемые и некалькулируемые, локализованные и неопределенные, актуальные и отсроченные риски [Зубков, 2001].

Выбор основания для систематизации рисков в системе образования – наиболее сложная задача для исследователей. Так, М.А. Беляева дифференцировала риски, возникающие в системе высшего образования, по четырем группам:

- 1) кадровые риски, обусловленные состоянием человеческого ресурса;
- 2) контингент-риски, возникающие в результате изменений количества обучающихся и качества их подготовки;
- 3) процессуальные риски, нашедшие свое отражение в воспитании обучающихся и их обучении;
- 4) имидж-риски, основанные на формировании общественного мнения об университете [Беляева, 2014].

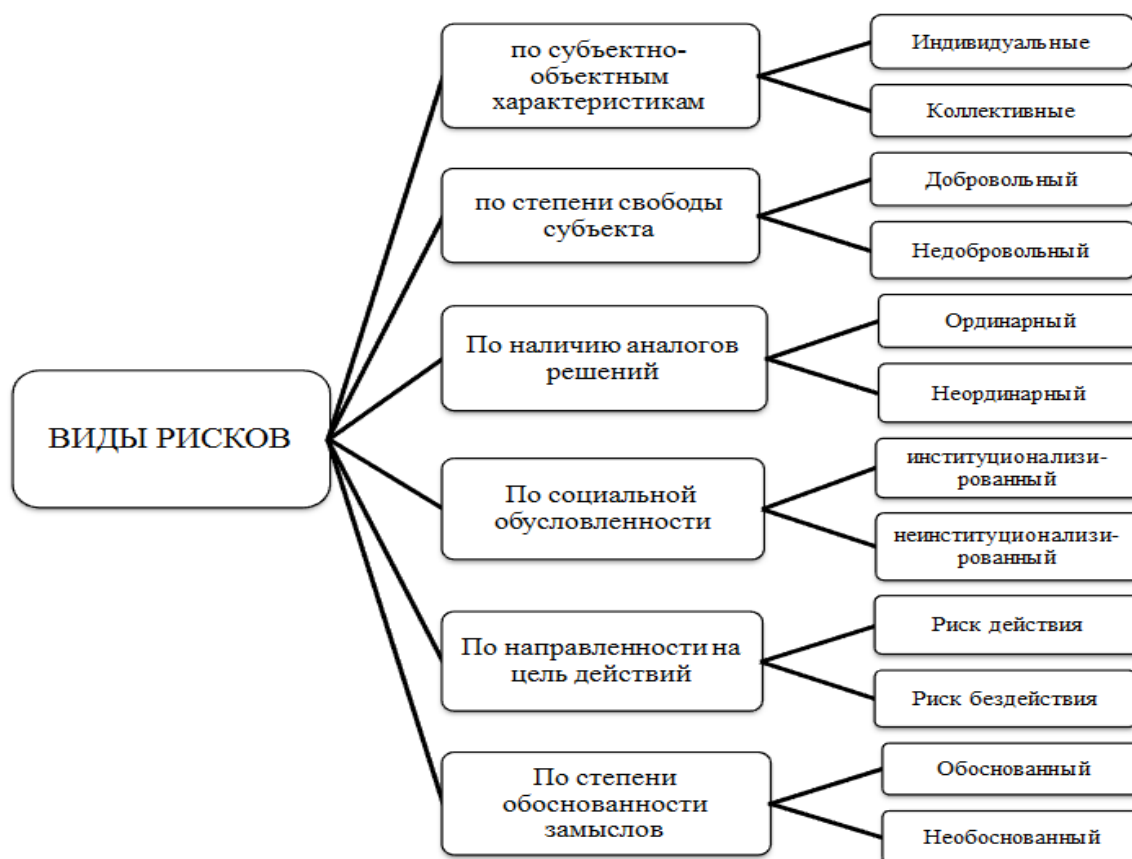

Рис. 1. Классификация социальных рисков (по В.И. Зубкову)

Fig. 1. Classification of social risks (by V.I. Zubkov)

Интересную типологизацию социальных рисков как индикаторов возможных организационных патологий предложила А.В. Федорова. В этой связи риски были дифференцированы на 6 групп:

1. «Риск-безопасность», в этой связи риски выступают неким ориентиром в системе управления, при котором исключается реализация случайных опасностей.

2. «Риск-решение» позволяет актерам достигать поставленных целей, отказываясь от рискованных решений, неприемлемых в той или иной управленческой ситуации. Однако, как подчеркивает А.В. Федорова, нивелируя риск от социального действия, элиминируются и возможности, которые бы могли возникнуть в будущем.

3. «Риск-проблема» проявляется в рассогласованности и смещении рефлексивного плана по отношению к внутренним проблемам университета, принимающих форму организационных патологий.

4. «Риск-миссия» возникает в результате отсутствия некоторых элементов внутреннего контекста миссии.

5. «Риск-цель» проявляется в ситуациях, когда нарушаются требования, предъявляемые к организационным целям университета, а также в результате несформированности или противоречивости этих целей.

6. «Риск-задача» выражается через рассогласованность задач, а также несоответствие их, поставленным организационным целям и функциям [Федорова, Вест, 2015].

Использование этой классификации, на наш взгляд, позволяет переосмыслить интегративный процесс управления современными организациями, к числу которых можно отнести университет, как квазикорпорацию. Однако предложенные классификации нередко носят отвлеченный характер и не опираются на эмпирические исследования в конкретных организациях, в частности, в вузах.

С целью уточнения классификации социальных рисков в вузах нами было проведено социологическое исследование «Социальные риски управления региональным вузом» в трех региональных вузах, расположенных в Белгородской области: Белгородском государственном национальном исследовательском университете, Белгородском государственном технологическом университете им. В.Г. Шухова, Белгородском государственном аграрном университете им. В.Я. Горина. В опросе приняли участие 364 респондента из числа преподавателей и научных работников (далее – НПР), 144 респондента из числа сотрудников администрации (далее – АУП) и 18 экспертов, имеющих опыт научно-исследовательской работы в области высшего образования, большой стаж работы в вузе, ученую степень.

В ходе исследования были проанализированы представления о рисках респондентов различных групп, диспозиция каждой из которых имеет свою специфику. Интерпретация и экстраполяция полученных данных, безусловно, имеет свои ограничения, поскольку речь идет о субъективных оценках. К тому же исследовалась ситуация лишь в нескольких региональных вузах. Тем не менее, исследование дает эмпирический материал, позволяющий дополнить существующие классификации рисков.

В ходе анкетного опроса были выявлены наиболее типичные, по мнению респондентов, риски (см. таблицу):

- риск увеличения и усложнение вузовского документооборота (66 % респондентов из числа АУП, 29 % – НПР);
- риск снижения качества образования (36 % респондентов из числа АУП, 57 % – НПР);
- риск нарастания непрофессионализма (34 % респондентов из числа АУП, 29 % – НПР);
- риск имитации управления (29 % респондентов из числа АУП, 19 % – НПР);
- риск злоупотребления властью (27 % респондентов из числа АУП, 27 % – НПР).

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, какие риски возникают для Вашего вуза в результате чрезмерной ориентации на административные методы управления?»
 Distribution of respondents' answers to the question: «In your opinion, what risks arise for your university as a result of excessive orientation towards administrative management methods?»

Варианты ответа	Административно-управленческий персонал, %	Научно-педагогические работники, %
Риск снижения качества образования	36	57
Риск злоупотребления властью	27	27
Риск имитации управления	29	19
Риск нарастания непрофессионализма	34	29
Риск увеличения и усложнение вузовского документооборота	66	29
Риск чрезмерной стандартизации и регламентации	22	23
Риск нарастания конфликтных ситуаций	2	5
Риск увеличения ресурсных затрат	14	9
Риск сокращения академических свобод	10	34
Риск снижения активности работников	11	12

Весьма существенным обстоятельством, имеющим значение для решения поставленных задач, является отчетливо прослеживающееся различие в оценках рисков научно-педагогическими работниками и административно-управленческим персоналом. Эти раз-

личия не являются случайными, и, очевидно, могут быть объяснены спецификой статуса когорт в образовательном пространстве вуза, которая превращается в значимый фактор дифференциации риска. Это дает основание для классификации рисков в зависимости от акторов вузовского пространства (рис. 2).

Рис. 2. Риски в управлении региональным вузом
Fig. 2. Risks in the management of a regional university

Исследование показало, что 66 % респондентов из числа административно-управленческого персонала (далее – АУП) пришли к следующему выводу: злоупотребление бюрократическими методами управления вузом создает риск увеличения и усложнения вузовского документооборота. Это вполне согласуется с данными, полученными другими исследователями. Так, на увеличение потока документации в одном государственном вузе в 22 раза обратил внимание политолог и философ О.Н. Смолин. Вместе с тем он отметил связь роста документооборота с увеличением числа управляющих в ущерб управляемым [Смолин, 2015]. Следует отметить, что 29 % респондентов из числа научно-педагогических работников назвали этот риск.

По мнению 57 % респондентов из числа НПР, (на этот риск указывают только 36 % сотрудников администрации вуза) система управления административного типа продуцирует риск снижения качества образования.

Нельзя не отметить, что лишь 2 % респондентов из числа АУП и 5 % из числа НПР указывают на то, что чрезмерная ориентация на административные методы управления способствует развитию риска нарастания конфликтных ситуаций. Низкий процент положительных ответов можно объяснить рутинизированностью коммуникаций в вузе, которые имманентно присущи повседневным процессам в вузе. Стабилизируя неопределен-

ность настоящего и не имея серьезных последствий для акторов [Федорова, Отнюкова, 2018], они ведут к утрате представлений о связи экстремальных ситуаций, к числу которых относятся конфликты, с бюрократическими практиками.

Полученные результаты одновременно позволяют выявить две группы рисков (см. рис. 2): риск-процесс и риск-результат. К первой группе относятся риск имитации управления; риск злоупотребления властью; риск увеличения и усложнение вузовского документооборота; риск чрезмерной стандартизации и регламентации; риск нарастания конфликтных ситуаций. Во вторую группу входят следующие риски: риск снижения качества образования; риск нарастания непрофессионализма; риск увеличения ресурсных затрат; риск сокращения академических свобод; риск снижения активности работников.

На основании полученного распределения ответов респондентов мы считаем необходимым разделить риски на возникающие в процессе деятельности (соответственно, риск-процесс) и возникающие в результате этой деятельности (риск-результат). Критерием выделения в данном случае является диспозиция риска в структуре деятельности.

В качестве гипотезы социологического исследования было сформулировано предположение в том, что риски различаются по характеру следствий (см. рис. 2). Этот вывод разделяется рядом авторов, в частности, В.И. Зубков, указывая на амбивалентность риска, пишет: «Положительные последствия риска меньше рефлексированы, чем отрицательные. Часто успех воспринимается как нечто само собой разумеющееся, ведь достижение цели – это норма, а вот ее недостижение – это проблема, требующая изучения» [Зубков, 2009, с. 50].

Однако в ходе проведенного исследования респонденты не смогли (или не захотели) выделить риски, имеющие позитивные следствия. Мы связываем данное обстоятельство с недостаточно полным представлением акторов вузовского пространства (как сотрудников административных подразделений, так и научно-педагогических работников) о феномене риска, а также о механизмах их возникновения и проявления. Абсолютное большинство опрошенных имеют представление о риске, как о чем-то только негативном, чего следует избегать. Тем не менее, сложившаяся ситуация не может рассматриваться в качестве основания для отказа от дифференциации рисков по своим следствиям.

Таким образом, на основании полученной информации классификация рисков административного управления вузом может быть дополнена выделением трех оснований: особенности статусов акторов образовательного процесса; диспозиция риска в структуре деятельности; следствия риска (см. рис. 2).

Несмотря на то, что эмпирические данные получены нами только на объектах одного класса (учреждения высшего образования), они дают основание для уточнения распространённых в научной литературе классификаций рисков. Эти уточнения позволят скорректировать практику регулирования рисков, прежде всего, в вузах и организациях, действующих в других сферах.

Список литературы

References

1. Альгин А.П. 2000. Риск и его роль в общественной жизни. М., Мысль, 192.
Algin A.P. 2000. Risk i yego rol' v obshchestvennoy zhizni [Risk and its role in public life]. М., Mysl', 192.
2. Бабинцев В.П. 2014. Бюрократизация регионального вуза. Высшее образование в России, 2: 30–37.
Babintsev V.P. 2014. Byurokratizatsiya regional'nogo vuza [Bureaucratization of a regional university]. Vysshee obrazovanie v Rossii, 2: 30–37.
3. Балабанов И.Т. 2009. Риск-менеджмент. М., ФиС, 192.
Balabanov I.T. 2009. Risk-menedzhment [Risk management]. М., FiS, 192.

4. Беляева М.А. 2014. Риск как предмет научного анализа в педагогике и образовании. Педагогическое образование в России, 11: 16–23.

Belyaeva M.A. 2014. Risk kak predmet nauchnogo analiza v pedagogike i obrazovanii [Risk as a subject of scientific analysis in pedagogy and education]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 11: 16–23.

5. Гришаев В.В. 2001. Социальный риск: концептуальные модели и анализ терроризма в городской среде. Дис. ... канд. соц. наук. Москва, 132.

Grishaev V.V. 2001. Sotsial'nyy risk: kontseptual'nyye modeli i analiz terrorizma v gorodskoy srede [Social risk: conceptual models and analysis of terrorism in the urban environment]. Dis. ...cand. soc. nauk. Moscow, 132.

6. Запорожец О.Н. 2011. Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 48.

Zaporozhets O.N. 2011. Universitet kak korporatsiya: intellektual'naya kartografiya issledovatel'skikh podkhodov [University as a corporation: intellectual cartography of research approaches]. M., Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 48.

7. Зубков В.И. 2001. Проблемное поле социологической теории риска. Теория и методология, 4: 123–127.

Zybkov V.I. 2001. Problemnoye pole sotsiologicheskoy teorii riska [Problem field of the sociological theory of risk]. Teoriya i metodologiya, 4: 123–127.

8. Зубков В.И. 2009. Социологическая теория риска. М., Академический проект, 380.

Zybkov V.I. 2009. Sotsiologicheskaya teoriya riska [Sociological theory risk]. M., Akademicheskiiy proekt, 380.

9. Мозговая А.В. 2011. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты. М., Институт социологии РАН, 256.

Mozgovaya A.V. 2011. Izmereniye riska v sotsiologii: metodologiya, metody, rezul'taty [Measuring risk in sociology: methodology, methods, results]. M., Institut sociologii RAN, 256.

10. Смолин О.Н. 2015. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? Социологические исследования, 6 (374): 92.

Smolin O.N. 2015. Vyssheye obrazovaniye: bor'ba za kachestvo ili pokusheniye na chelovecheskiy potentsial? [Higher education: the fight for quality or an attempt on human potential?]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 6 (374): 92.

11. Солнцева Г.Н. 2001. Когда и почему рискуют люди. Человек, 2: 145–149.

Solntseva G.N. 2001. Kogda i pochemu riskuyut lyudi [When and why people risk]. Chelovek, 2: 145–149.

12. Федорова А.В., Вест А.А. 2015. Риски и конфликты в современных организациях: проблемы и перспективы управления. Международный научный журнал «инновационная наука», 3: 243–247.

Fyedorova A.V., Vest A.A. 2015. Riski i konflikty v sovremennykh organizatsiyakh: problemy i perspektivy upravleniya [Risks and conflicts in modern organizations: problems and prospects of management]. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «innovatsionnaya nauka», 3: 243–247.

13. Федорова А.В., Отнюкова М.С. 2018. Риски управления эффективными коммуникациями и конфликтами в ситуации неопределенности. Вестник Поволжского института управления, 4: 116–119.

Fyedorova A.V., Otnyukova M.S. 2018. Riski upravleniya effektivnymi kommunikatsiyami i konfliktami v situatsii neopredelennosti [Risks to manage effective communications and conflicts in a situation of uncertainty]. Vestnik Povolzhskogo institute upravleniya, 4: 116–119.

14. Шарин В.И. 2013. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них. Известия Уральского государственного экономического университета, 6 (50): 118–124.

Sharin V.I. 2013. Sotsial'nyye riski kak ugrozy sotsial'nomu polozheniyu i zashchita ot nikh [Social risks as a threat to social status and protection from them]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 6 (50): 118–124.

15. Яницкий О.Н. 1999. Россия как общество всеобщего риска. Куда идет Россия?...Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., Логос, 127–134.

Yanihskiy O.N. 1999. [Rossiya kak obshchestvo vseobshchego riska. Kuda idet Rossiya?...Krizis institutsional'nykh sistem: vek, desyatiletie, god] Russia as a universal risk society. Where is Russia going? ... The crisis of institutional systems: a century, a decade, a year. M., Logos, 127–134.

16. Beck U. 1986. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 391.

17. Giddens A. 1991. Fate, Risk and Security. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford, Stanford University Press, 256.

18. Douglas M. 1990. Risk as a Forensic Resource. *Dædalus*, Fall, 4: 1–16.

19. Luhmann N. 1991. Der Begriff Risiko. *Soziologie des Risikos*. Berlin, Walter de Gruyter, 9–40.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Логвинова А.В. 2019. Проблема классификации социальных рисков административного управления региональным вузом. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 329–337. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-329-337

Logvinova A.V. 2019. The problem of classification of social risks of administrative management of a regional higher education institution. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries*. 44 (2): 329–337. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-329-337